

КРИСТИНА
СТАРК

СТИГМАЛИОН

Издательство АСТ
Москва

ДОЛОРЕС

How if, when I am laid into the tomb,
I wake before the time that Romeo
Come to redeem me? there's a fearful point!
Shall I not, then, be stifled in the vault,
To whose foul mouth no healthsome air breathes in,
And there die strangled ere my Romeo comes?

— *W. Shakespeare, "Romeo and Juliet"**

1

ПОДАРОК

2005 год, мне семь лет

В игровой было так тихо, что было слышно, как хомячок Лимонад жует капусту. И как бьются о стекло падающие за окном листья. И как ударяется о зубы и звенит карамелька у меня за щекой. Я замерла посреди комнаты, внезапно заметив предмет, которого здесь не было вче-

* Что, если в этом жутком мрачном склепе

Очнусь я — а Ромео рядом нет?

Что, если воздух кончится быстрее,

Чем он найдет меня и выведет на свет?

Как страшно задохнуться в этой тьме,

Прежде чем явится спасение ко мне.

— *У. Шекспир, «Ромео и Джульетта»*

ра. Коробка. Большая, картонная, перевязанная желтым бантом, какие появляются в доме только на Рождество. И на мой день рождения. И когда приезжает бабушка. И в них всегда есть подарки!

Я подбежала к коробке и заглянула в нее...

Сколько себя помню, всегда любила животных. У меня жил хомячок. И два зайчика в клетке во дворе. Рыбка-петушок ярко-синего цвета в круглом аквариуме, который стоял в спальне. И гигантская улитка, которую назвали Лолли-Леденец и поселили на кухне в большом прозрачном контейнере.

Но маленького *медведя* у меня еще не было!

Пушистый, толстолапый, с бурой шерсткой, белой грудкой и маленькими ушками — ведь это же он! Сидел в коробке, обнюхивал картонные стенки и смотрел на меня большими карими глазами.

Мне запрещено покидать игровую комнату, но волна восторга внутри поднималась все выше и выше, пока не затопила окончательно. Ноги сами распрямились в коленках и понесли к двери, руки схватились за ручку и распахнули дверь, рот раскрылся и закричал:

— Мама! Папа!

Я бросилась по ступенькам наверх, в родительскую спальню. Так шустро, что даже моя няня не смогла бы меня поймать. А бегают мисс Розы ой как быстро!

— Долорес! Долорес! Остановись! — закричала няня и побежала за мной. Ступеньки задрожали под тяжестью ее шагов.

Я вбежала в спальню родителей и бросилась к кровати. Мне хотелось обнять маму и отца так сильно, как только смогли бы руки. Хотелось выплеснуть на них весь восторг и благодарность. Ведь это они подарили мне мишутку! Это они нашли его в лесу и принесли домой! Я улыбалась, я смеялась звонко, как колокольчик, но на

лице только-только проснувшейся мамы не было ответного веселья.

— Долорес, стой! Нельзя! — закричала она, вытянув вперед руки.

Спящий рядом с ней отец резко сел на кровати, но и он проснулся слишком поздно, чтобы остановить меня. На целое мгновение позже.

Я и раньше слышала подобные окрики: «Стой! Остановись! Не трогай!» — и всегда замирала на месте, потому что меня так приучили. Это стало почти рефлексом. Но только не в этот раз. Мое счастье было слишком велико, и оно наполнило меня такой быстротой и силой! Я взлетела на кровать, обхватила маму за шею — крепко-крепко — и прижалась губами к ее щеке.

Мама не хотела целоваться, она отпрянула, я потеряла равновесие, и мы обе рухнули на кровать, в простыни, пропахшие лавандой. Матрас прогнулся под нами, а потом подбросил в воздух.

— Там мишутка! В коробке! Внизу! — закричала я. — Настоящий!

Но мама словно не услышала, она вывернулась из моих объятий и резко поставила меня на пол — белая от ужаса.

— Эми, вызывай скорую, — скомандовал мой отец, накрывая меня одеялом и поднимая в воздух. Я брыкалась и радостно визжала, все происходящее казалось мне какой-то новой веселой игрой. Если бы не плачущая в дверях мисс Розы и совсем не веселые голоса родителей.

Отец так резко распахнул дверь в ванную, что я испугалась. Кафель был такой холодный! Пахло мылом и влагой.

— Я не хочу мыться! — возмутилась я. — Я хочу играть с медвежонком!

— Ох, Долорес, — застонал отец, разворачивая одеяло. Ему помогла подоспевшая няня. Ее руки тряслись, когда она расстегнула мою пижаму.

Вода не успела нагреться, но взрослые не желали ждать. В меня ударил сноп ледяных струй, и я завизжала от ужаса.

В ванную влетела мама: волосы растрепаны, лицо серое, бескровное, в руках чемоданчик с лекарствами. Она посмотрела на мое перекошенное от испуга лицо и сама начала плакать.

— Мне холодно! — плакала я.

— Потерпи, Лори, сейчас вода станет теплее...

Меня тщательно намылили и вымыли, потом начали поливать руки и лицо какими-то спреями, которые отвратительно пахли. Глаза начали слезиться от обиды и резкого химического запаха, но... что-то в моем теле стало тревожить гораздо сильнее, чем ледяная вода и запах лекарств. Руки — они начали гореть. Щека — ей словно вlepили пощечину. Губы — онемели и начали кровоточить: я почувствовала привкус крови во рту.

— Ральф, выгляни, кажется, скорая приехала! Лори, малышка, мы едем в больницу.

— Но я хочу играть с мишуткой! — воскликнула я, чувствуя, как по подбородку течет что-то теплое.

— Скоро, очень скоро ты поиграешь с ним...

— Завтра? Обещай! — выпалила я, задыхаясь.

Воздуха вокруг вдруг стало совсем мало, в груди так потяжелело, как будто в легкие насыпали песка...

— Завтра, — сказала мама, глядя на меня широко расплывшимися глазами со слипшимися от слез ресницами.

Она сказала неправду. Медвежонка я увидела снова только через месяц. Когда затянулись сильные ожоги на руках и лице. Губы заживали хуже всего. Потребовалась операция, чтобы восстановить кожу, — цена, заплаченная за поцелуй.

Моя любимая няня уволилась. Родители уговаривали ее остаться, но потрясение было слишком велико. Кажется, это пятая няня, которая не выдержала бремени сложного ухода за столь необычным ребенком. Вместо нее пришла какая-то другая дама, полная, круглая и розовощекая. Она была похожа на большую надувную игрушку — казалось, если ткнуть ее иголкой, то она сдуется и улетит. Мама без конца инструктировала новую тетю насчет того, как ухаживать за мной. Как будто я была волшебным зверем, за которым нужен особый магический уход.

— Мелисса, мы очень надеемся, что вы справитесь. Следующая ошибка может стоить слишком дорого. Это вопрос жизни и смерти. Прикосновение к другим людям — хуже, чем позволить ребенку прикоснуться к раскаленной каминной решетке.

— Миссис Макбрайд, я подойду к делу со всей ответственностью, — сказала дама, перелистывая страницы большой папки, которую разложила перед ней мама.

— В прошлый раз Долорес просто убежала из игровой и направилась в нашу спальню, а я не заперла дверь. Не предполагала, что она может вот так взять и ворваться. Раньше такого никогда не случалось. Я была неодета, а Долорес обнаружила утром подарок от бабушки и была так возбуждена, что забыла о правилах. Конечно, она знает, что ей нельзя прикасаться к другим людям. Разве что на них несколько слоев одежды, перчатки и нет обнаженных участков кожи.

— Мы уже поставили замки на всех внутренних дверях в доме, запирайте те комнаты, где она играет, — сказал отец, который стоял тут же, хмуро глядя в окно.

Я слушала краем уха разговоры взрослых, но мне было не слишком интересно. Медвежонок завладел моим вниманием. Вообще-то это был не медведь, потому что он

лаял! И у него обнаружился хвост колечком — в прошлый раз я просто не успела рассмотреть.

— Мама, это щенок! — закричала я.

— Здорово, милая. Иди сюда.

Я прибежала к маме вместе со щенком — он был огромный, тяжелый и смешно побряхтывал на каждом шагу. Мама крепко обняла меня, прижимая к груди. На этот раз на ней был жакет с высоким воротником, и пуговицы были застегнуты до самого подбородка. И она, как обычно, надела латексные перчатки, отчего руки казались пластмассовыми, гладкими, как у моих кукол.

— Ты придумала ему имя?

— Да! Я назову ее Хэйзелнат*! Папа сказал, что это девочка!

— Почему Хэйзелнат?

— У нее глаза как лесные орешки, и она сладкая, как ореховое печенье, и пахнет «Нутеллой»!

— И еще в коридоре кто-то наложил целую кучу «Нутеллы»! Пахнет не очень, — заметил кто-то.

— Сейдж!

Я еще не успела повидаться с ним, после того как вернулась из больницы. Он был в школе, а теперь наконец приехал.

— Сейдж! — Я бросилась к мальчишке с соломенно-русыми волосами и серыми глазами. Он раскрыл руки для объятий. На его ладонях не было перчаток, рубашка была расстегнута на груди. Полосатый школьный галстук повис через плечо змейкой.

— Лори! — улыбнулся он, подхватил меня и закружил в воздухе. — Ты дома!

Сейдж поцеловал меня, его губы прижались к моему носу, и я засмеялась от переполняющих чувств — самых

* Hazelnut (англ.) — лесной орех. — Здесь и далее — примечания автора.

светлых и нежных, какие только может испытывать ребенок. Ему было уже двенадцать, и он был самым красивым мальчиком на земле, хотя, признаться, я не слишком много видела мальчиков. И он никогда-никогда не отшатывался, если мне вдруг хотелось обнять его. И целовал меня, когда хотел, чего мама и папа никогда не делали. Он — единственный человек на Земле, чьи прикосновения не оставляли на мне ожогов и не причиняли боль.

— Все в порядке, это Сейдж — брат Долорес. Они совместимы, — объяснила мама новой няне. — Он здесь единственный, на кого у нее нет аллергии.

* * *

Я была лишена всего того, что даровано обычным детям: школа, общение со сверстниками, экскурсии, путешествия, игры, объятия, ладошка в ладошке, одно печенье на двоих.

Дети имеют привычку прикасаться друг к другу, обниматься, драться, меняться одеждой и делить еду. Все это могло стоить мне жизни. Поэтому образование я получала дома, под присмотром родителей. С репетиторами, облаченными в свежие халаты и перчатки. И общалась только с родителями, Сейджем, няней и взрослыми людьми, которым не придет в голову предложить мне доесть свой сэндвич или поменяться одеждой.

Меня окружали идеально чистые вещи. Все, к чему я прикасалась, не должно было контактировать с потом и жиром других людей. Я постоянно носила перчатки и закрытую одежду. А о технологии приготовления еды для меня можно было бы написать целый трактат. Посуда должна была быть идеально чистой, повар работал в маске, и ела я всегда одна. Чтобы случайно не перепутать и не взять со стола то, что мне не предназнача-

лось. Иногда еду мне готовил Сейдж, и потом мы ели ее вместе за одним столом — о, трапезы с ним были моими самыми любимыми! Только благодаря брату моя жизнь не превратилась в жизнь Рапунцель. Мы общались, смотрели кино, вместе играли с Хэйзел, принадлежали друг другу.

А какая жуткая ревность переполняла меня, когда к нам в гости приходили его друзья-мальчишки. Или хуже того — девчонки. Я не испытывала никакого интереса к другим детям, а если во мне и просыпались крохи любопытства, то их тут же сметал на своем пути ураган зависти и злости. Они претендовали на моего Сейджа! Они трогали его, хлопали по плечу, толкали в бок, обменивались игрушками, ели картошку с одной тарелки!

«Лори, иди к нам! — не раз предлагал мне Сейдж. — Тебя никто не будет трогать, я предупредил их, что нельзя».

Но присоединиться к ним означало примириться с их посягательствами на то, что было моим. А мириться я не собиралась. Я хмурилась, громко стучала пятками по лестницам, запиралась в комнате и ломала игрушки: выдергивала волосы у Барби и рушила построенные из «Лего» замки.

Родители думали, что мое деструктивное поведение — результат недостатка общения со сверстниками. Соблюдая все меры предосторожности, они начали приводить в дом детей близких друзей. Но я не хотела играть ни с кем, кроме Сейджа. Чужие дети пугали меня, они тянули руки к моим игрушкам, занимали много места, говорили слишком громко, странно пахли. А невозможность наброситься на них с кулаками и прогнать вселяла в меня гадкое чувство бессилия. Все равно, что в ваш дом привели бы чужака, а вас привязали к батарее и сказали: «Терпи, пока он не уйдет».

Дошло до того, что появление в доме других детей стало вызывать у меня ужасные истерики и приступы паники, и родителям ничего не оставалось, как приостановить план моей социализации.

— Наверное, стоит подождать, пока она не станет чуть старше, — предложил отец. — В конце концов, нам некуда торопиться.

— Или отказаться от социализации вообще, — всхлинула мама. — Ральф, кого мы обманываем? Что мы пытаемся ей навязать? Интерес к другим людям, с которыми она не сможет толком общаться? Которым она будет смертельно завидовать, когда поймет, как много дано им и как мало — ей?! Я с ужасом думаю о том дне, когда она осознает, что не сможет жить полной жизнью, выйти замуж, завести семью...

Я слушала все это под дверью. Пришла на кухню среди ночи попить и стянуть что-нибудь вкусное из холодильника. Но на кухне были родители, снова говорили о чем-то, чего я не понимала, спорили, плакали... Как же все это мне надоело!

Я вошла на кухню с беззаботным видом, шаркая по полу тапочками-зайцами, и направилась прямо к холодильнику. Мама тут же замолчала, а папа наигранно воскликнул:

— Это кто у нас не спит?! Маленькая зайка?

Я открыла холодильник, отщипнула себе пару больших кусков марципана, вернулась к столу и забралась к папе на колени.

— Почему это я не выйду замуж? Выйду, — сказала я очень серьезно. — За Сейджа.

Мама отвернулась к окну, ее плечи тряслись. Мне казалось, что она смеется. Только через много лет, вспоминая этот вечер, я поняла, что она беззвучно плакала.

2 ЧУДОВИЩЕ

2008 год, мне десять лет

После трех лет тишины и покоя попытки наладить процесс социализации возобновились. Однажды я вернулась с мамой от врача и обнаружила в доме гостей. Незнакомый мужчина — высокий, пугающе-серьезный. Рядом с ним женщина — русоволосая, красивая и важно разодета. И подростки лет четырнадцати-пятнадцати — мальчик и девочка — очень похожие, с большими оленьими глазами и русыми кудрями. Оба выше меня на голову.

Девочка рассматривала кубок, который Сейдж получил за победу в Чемпионате по хёрлингу среди школ города, и ее заинтересованность кубком Сейджа тут же привела меня в негодование.

А мальчик напряженно застыл посреди комнаты и, прищурившись, озирался по сторонам. Ему здесь явно не нравилось.

«Что ж, а мне не нравитесь все вы», — решила я, приготовившись к побегу. Но тут отец поднялся из кресла и обратился ко мне:

— Долорес, проходи, дорогая. Познакомься, это мистер Веланд, его жена Ингрид, это Вибекке и Вильям.

— Здравствуйте. — Я приподняла концы воображаемой юбки и изобразила комический реверанс. Вообще-то на мне были брюки, куртка и заляпанные грязью сапоги, и я надеялась, что мое позерство оскорбит незваных гостей и они поскорее уедут, но никто не оскорбился. Женщина тепло улыбнулась, девочка склонила набок голову, с интересом изучая меня. А мальчик оглядел меня с ног до головы и тут же отвел глаза.

— Дорогая, нам нужно обсудить с мистером и миссис Веланд кое-какие дела, не могла бы ты показать Вибекке и Вильяму дом и сад? А чуть позже соберемся все за ужином, окей?

— А где Сейдж? — шепотом спросила я, одеревенев под взглядами всех этих незнакомцев.

Пусть его не будет дома, пусть он не видит эту чужую девочку с кругленьким лицом и малюсенькими веснушками на носу. А не то она уцепится за его рукав и попросит показать ей все спортивные трофеи! А их у него много!

— Сейдж скоро вернется с тренировки и составит вам компанию!

Черт.

Папа попросил Мелиссу подать им кофе в гостиную. Я развернулась и, не оглядываясь, направилась в сад. Только у самых дверей я заметила, что чужие дети следуют за мной — молчаливо, с опаской, как лесные звери. Чуют, наверное, что мне хочется отлупить их клюшкой для хёрлинга. Жаль, что Сейдж забрал ее с собой на тренировку...

— Тебя зовут Долорес, так? — спросила Вибекке. Голос — низкий, бархатный, как будто мороженого переела, и еще я уловила акцент. Точно не из нашего города.

Я ничего не ответила, не слишком хотелось говорить с ней.

— Можно называть тебя Долли?

— Нет!

«Долли» — почти то же самое, что и «лолли» — «леденец». Напоминает сладости и овечек. А я не похожа ни на леденец, ни на овцу!

— У тебя испанские корни? Это же не слишком обычное имя для Ирландии? — снова спросила девочка.

— Обычное. Долорес О'Риордан — певица из группы «Кренберриз», — начала загибать пальцы я. — Долорес Макнамара — тетя из Лимерика, которая сорвала самый большой джекпот в истории Ирландии — сто двенадцать миллионов евро! Долорес Кин — еще одна певица, бабушке нравится. А мне не очень. Долорес — медсестра, которая сегодня брала у меня кровь в больнице. «Долорес» было написано у нее на бейджике. Поэтому я думаю, что так ее и зовут. Иначе зачем бы она прицепила его себе спереди, прямо вот тут? — И я ткнула себя в левую грудь — вернее, туда, где она однажды должна была вырасти.

— Ладно, верю, — рассмеялась Вибекке. — Получается, это распространенное имя. А что оно значит?

Я прекрасно знала, что означает мое имя. И его значение мне не нравилось. Иногда я даже думала, что имя виновато во всех моих бедах. Потому что оно означало кое-что не слишком приятное. Вот имя моей мамы означает «любимая». А имя брата — «мудрец». А мое...

— Давай лучше про тебя поговорим, — сказала я, раздражаясь. — Тебя зовут Бибика?

Я помнила, как ее зовут. Просто мне хотелось ее подразнить.

— Вибекке, — исправила девочка, останавливаясь рядом со мной у двери, ведущей в сад.